

Семён Липкин

Тосох

СТИХОТВОРЕНИЯ

Семён Липкин

Тосох

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧеРо
Москва
1997

Книги стихов С. Липкина:

Очевидец. Москва. 1967

Вечный день. Москва. 1975

Воля. Ann Arbor. 1981

Кочевой огонь. Ann Arbor. 1984

Лира. Москва. 1989

Лунный свет. Москва. 1991

Письмена. Москва. 1991

Перед заходом солнца. Москва. 1995

Липкин С. И.

Посох. Стихотворения. — М.: Издательство «ЧеРо», 1997. — 144 с.

ISBN 5-88711-066-X

Новая книга известного поэта и переводчика, лауреата Пушкинской премии Семена Израилевича Липкина (р. 1911 г.) охватывает период его творчества с 30-х годов по сегодняшний день. Многие стихотворения этого сборника публикуются впервые.

ISBN 5-88711-066-X

© С. И. Липкин, 1997

© Издательство «ЧеРо», 1997

Стихи ранних лет

Горожанин

Я приехал в деревню.
Это было в июле.
Постучался в харчевню:
– Что вы, черти, заснули!

Отпирает хозяйка,
Злая, заспаны груди,
Полосатая майка, –
Не видали бы люди.

Вот лежу на диване.
Пьют вино молдаване.
Все бабайки да плутни...
Но откуда здесь лютни?

Но откуда здесь флейты?
Но цимбалы откуда?
Не пойму, хоть убей ты,
Деревенского чуда!

То незримые твари
Заиграли на воле –
На тревожной гитаре,
На протяжной виоле.

Кто вызванивал рани
Звуки песен забытых?
Я не знал их названий,
Этих тварей сокрытых,

Вечно стройно-звонящих,
Вечно тайно-манящих,
Но понявших ту низость,
Что несет наша близость.

1931

Овидиополь

* * *

Редуют годы, как кустарник,
И только слов незыблем строй.
Не Лжедмитрий, — лжеударник
Парил когда-то над Москвой.

Он не шептал Марине Мнишек:
— О Делия, о божество!
Лишь пестрота заборных книжек
Бесила по ночам его.

И в час, когда закон падений
Задуман был на небеси,
Он ждал, как тень, грядущей тени,
Грядущей смуты на Руси.

1931

Пасмурный день

Здравствуй! С розой сравню тебя, скряга,
С розою сумерек,
И чем больше червей, слаще влага.
Зажмурившись, пьем.
Ты запрятал зарю, что сожжет
Изнутри тебя!
Пожалей меня: сколько щедрот
Ты таишь, скопидом!

Здравствуй, пасмурный день! Ты похож
На слепую красавицу,
Обрученный со смертью, — цветешь,
Умираешь — в цвету.
За туманом твоим, говорят,
Города-диаманты...
Здравствуй, пасмурный день, будь мне брат,
Позови, я приду.

1933

Одесса, 1920

Там, где город и море
Обнищали с войной,
Там, где дымные зори
Гаснут в балке степной,

Снова, с насыпью рядом,
Жесткой зелени брат,
Длинным Дюковским садом
Загорелся закат.

Смотрит житель предместья:
Что теперь его ждет?
Это весть иль предвестье
Небывалых свобод?

Что сулят ему власти —
И не только ему?
Снова конные части
Скачут к морю в дыму.

Оробевших молочниц
Одноколки — в пыли,
И кошелки цветочниц
Появились вдали.

1934

* * *

Петру Кролю

Кто дружбу, как стихи, бросал, едва начав,
Кому любовь была обузой,
А счастье — песенкой, ведомой темной музой
Ввиду бойниц и древних глав;
Кто в город, женщиной обманут нелюбимой,
Вернулся вдруг немолодым,
Но принял в круглые глаза ребенка дым
Над волжской пристанью клубимый,

И зелень старых барж, и то, что город мал,
Но, как в бреду, шептал: «огромный»,
А тот, не камня плоть, а призрак многохолмный,
Его кружил, ему внимал, —

Тому явись, о жизнь, как сон в степи, как степь,
В ночи горящая надмирно,
А если новых мук пред ним возникнет крепь,
Скажи: не бойся, я обширна.

1933

Нижний Новгород

Колея

Эта прелесть мира —
Звон лесного клира,
Ветр, бредущий сиром
Путаной колеей,

Хрустом подстерегает,
Мокрой листвой пугает,
Оторопью мигает,
Глухо гудит землей.

Выпрямись, кривое!
Выявись, дурное!
Отзовись, глухое,
Не ходи за мной!

1935

Чернореченск

***

Я запах осени вдыхаю,
В ее вникаю вечера
И с наслажденьем замечаю,
Что жить пришла моя пора.

Вот жизни альфа и омега —
И оторопь берет меня:
Бегу, но это призрак бега,
Горю, — то видимость огня.

1933

Мертвец

Не скрипи, моя кровать,
Вместе с окриком протяжным:
О, как тяжело, тяжело спать
В доме десятиэтажном!

Разве в памяти живет
Окон бедное убранство,
И петровских дней завод,
И пернатых постоянство,

И далекий шум колес,
Доходящий до удушья,
И машины песнь пастушья
Разве трогает до слез?

Смерть, старуха, здесь не жди
Ни любви, ни просветленья:
Злость в обугленной груди,
Неземная ярость тленья.

Я хочу еще кричать,
В упоении, как дети,
Крылья звуков обрывать...

1933

Засуха

Все приму: приморские уголья
И судов купеческую спесь,
Но какому богу плодородья
Элеватор мы воздвигли здесь?

Ибо кони узнают на воле,
Сквозь сиянье, ворона полет,
Ибо словно перекасти-поле —
Пламя в поле, ибо дождь не льет...

Верь, мой город: скоро ливни хлынут.
Жарких дней не бойся: все прошло,
И теперь не страшно, что раздвинут
Свод небес, вокруг светлым-светло,
И пылью изрытый, столп низринут
В каждое оконное стекло.

1933

Перед бурей

Есть рассвета пора,
Не воспетая музою,
И в такие утра
Море пахнет медузою.

В синеве высоты,
Из-за легкого облака,
Выступают черты
Неподвижного облика

Лоб высок, мысль чиста...
Как поверить заранее,
Что стучится в уста
Черной бури дыхание!

1933

***

Я нетрудной не дал дани
Городским садам,
Невзлюбил гостеприимной
Зелени кладбищ.
В городе воспоминаний
Мертвом, но родном,
Мне над морем отблеск дымный
Душу не томил.

Итальянской синей лавой
Вымощенный путь...
Есть такие переулки,
Город есть такой.
Улицы с дурною славой,
Площадь, где при мне
И таинственный, и гулкий
Умирал базар.

Но так долго был неистов
Зазывной язык,
Пели брички колонистов
И стонал слепой,
Цех развешивал игольный
Пестрый свой товар,
И сортир восьмиугольный
Посреди стоял.

Ты в горах пробил дороги,
Влагу дал земле,

Ты в бетон одел пороги, —
Так скажи, зачем
Сердце бьется птицей вольной,
Чуть узнал опять
Этот смрад восьмиугольный,
Площадь, рундуки?

Есть печальные прогулки, —
Кто их не знавал,
В песнях отзвук есть лукавый,
Будто жизнь сама.
Есть такие переулки,
Город есть такой,
Итальянской синей лавой
Вымощенный путь...

1935

Мать-Земля

Там, где складки буераков
Старят землю, мать мою,
Там увидел я семью
Фебролитовых барачков.

Это глиняная сеть
Синих рахитичных жилок
И безволие опилок,
Осужденных каменеть.

О, что может быть скучней
Наготы жилых строений
И бесстыдных откровений
Неестественных камней!

И тогда подумал я:
Почему же та, другая,
Та уродина, земля,
Нас не мучает, нагая.

Отгнивающие пни,
Лопающиеся вздутья,
В глину втопанные прутья, —
О, как нас влекут они!

И недаром детвора
С упоением глядела
На родительницы тело,
Стоя посреди двора.

Всю бы жизнь впиваться в эти
Дорогие нам черты
И священной наготы
Не прикрыть, как Ноя дети.

1936

Судный День

Давайте соберемся в молчании ночном,
Сумерничать спокойно, товарищи, начнем.

Расспросы, укоризны... Что нужды нам в словах?
Сама подпочва жизни откроется впотьмах.

Все вспомним, все обсудим, слова нам не нужны,
Давно друг друга знаем, давно погребены.

И прежняя отрада вольется в грудь мою,
Очнуться сердце радо совсем в другом краю.

Вот ласточка взметнулась, летя из света в тень,
И ясен мир, как в детстве, в Одессе, в Судный День.

1936

Завод в лесу

Был берег окских вод
В глухой тоске: воочью
Увидеть небосвод
Сияющий Приочью

Всем блеском синевы, —
Не мог он: грустный жребий!
За решетом листвы
Что ведал он о небе?

Но по стволам топор
Ударил. Зверем прынул,
Назад подавшись, бор.
А берег наверх глянул:

Вот небо. Нет ни звезд,
Ни тучек беззаботных:
Огромный лисий хвост
Из окислов азотных!

А рядом, на земле,
Вдруг появились вежи
И светятся во мгле
Таинственные цехи.

И лес вокруг себя
Угрюмо землю смерил,

Вдохнул, уже любя,
И принял. И поверил.

И птиц приветил вновь,
Не споря с комбинатом:
Он и к нему любовь
Сумел внушить пернатым,

И чувствует народ
В напевах соловьиных
Дыхание кислот
Ужасных и невинных.

1936

Чернореченск

В толпе

Здесь, в городе большом,
Где жизнь бежит широко,
Но, как в краю глухом,
Мертва и одинока,

В торговый, шумный час,
В толпе, за разговором,
Что наполняет нас
Житейским, дельным вздором,

Сверкнула мне гроза
Любви моей незрячей,
И я узнал глаза
Под влагою горячей.

Прошли передо мной
Восторги, неудачи.
Гражданскою войной
Разрушенные дачи,

Свиданье, темный двор
Среди полуразвалин,
Я снова то хитер,
То злобен, то печален.

Далекий от всего,
Под блеском звезд бездомных
Не вижу ничего
Я, кроме глаз огромных,

Слезами полных глаз,
Горящих верой зыбкой,
Где все же сбереглась
Улыбка – не улыбка...

И вдруг открылось мне,
Что не сломить ей козней,
Что дело не во мне,
Что дело посерьезней,

А звезды, ночь, обрыв
И знать не знали горя,
И ясен был призыв
Невидимого моря.

1936

* * *

Ваши глаза поместил под бровями чужими.
Волосы ваши давно перепутал с другими.

Вам приписал изречения приятельниц разных.
Вас не могу воссоздать из обрывков несвязных.

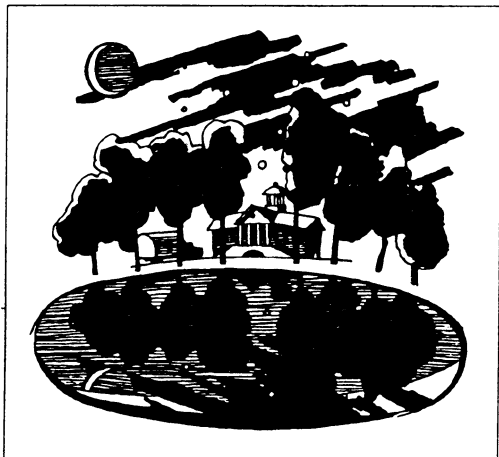
В мыслях своих я по имени вас называю.
Так ли действительно звали вас! Право, не знаю.

Но почему же мне площади с громкою славой
Дороги только одной вероятностью слабой:

Встретиться, встретиться с вами когда-нибудь снова,
И задохнуться, и вымолвить нужное слово.

1936

Впервые в России

*Из книг «Воля» и «Кочевой конь»,
Ардис*

Из восточной рукописи

Был я тем, кто жил в долине роз,
В глинобитном домике простом.
Видел я: рассыпал перлы слез
Соловей над розовым кустом.

Так я начал петь. Я находил
Торные пути к людским сердцам,
В башни звездочетов я входил,
И в книгохранилище, и в храм.

Говорил я то, что нужно всем:
Славил обольстительную страсть,
Открывал невольникам эдем
И клеймил несправедную власть.

Утверждал, что нет небесных чар
В четверице изначальных сил,
Что, смеясь, вселенную гончар
Из непрочной глины сотворил.

И хотя по-прежнему закон
Лживым был, и был бессильным раб,
Был я редким счастьем награжден,
Что мой голос нежен и не слаб.

Помню вечер. Терпкое тепло
Оседало. Дольний мир погас.

И до слуха моего дошло:
Некий царь идет войной на нас.

Облик ветра на его стреле.
Брызжет смертью сабли рукоять.
Мало знаков чисел на земле,
Чтоб его дружины сосчитать

Помню битву горожан с ордой.
Щебнем стали храмы, ливнем -- кровь.
Стала дочь моя совсем седой,
Мать моя ребенком стала вновь.

И вошел в мой город властелин,
И рассек мой город лезвием,
И разбился глиняный кувшин
В глинобитном домике моем.

И потомки тех, кто пал в борьбе,
Превратились в диких пастухов,
И поет кочевник на арбе
Странные куски моих стихов.

Непонятны древние слова,
Что курганы в поле вековым,
Но в сознание теплится едва
Память о величии былом.

Вот он возвращается домой.
Рядом с буйволом бредет жена.
От земли отделена каймой
Близкая степная вышина.

Запрокинув голову, поет,
Полусонно смотрит в синеву
И не знает сам, что создает
Смутный мир, в котором я живу.

Ноябрь 1941

Ленинград

Приметы

На заре предо мной
На дороге степной
Серый камень возник:
Одинокий старик,
Он похож на судьбу,
Он с очками на лбу.

Хорошая ль это примета
В такое ужасное лето?

Камень желт и щербат.
Я кладу автомат.
Мотылек голубой
На крючок спусковой
Посмотрел, прилетел
И назад улетел.

Хорошая ль это примета
В такое ужасное лето?

1942 Август
Сальск

Пруд

Вливался пруд в полуовал
Широких лип, в узор старинный,
И ветер шумно колебал
Багряномедные вершины.

Под ними в бархатной воде
Дрожало огненное чудо,
И было так легко звезде
Смотреть на мир из влаги пруда.

Вдруг прибежит к звезде сестра
Из госпиталя полевого.
Все — в первый раз, и все — ей ново:
Война и эти вечера...

1942
Ахтуба

* * *

Что самое страшное на войне?
Страшна духота ночная,
Когда над ухом, в землянке, в стене
Скребется мышь лесная.

Что самое страшное на войне?
Страшны зверьки-кровососы
И эти на шее и на спине
Горящие расчесы.

Что самое страшное на войне?
Начальник — болван и сука.
Сердитый — он противен вдвойне,
А добрый... Какая мука!

Бывает и светлое на войне:
Письмо от жены или мамы,
Вечерний снег, полнеба в огне
И грозный звук... Тот самый.

Октябрь 1942
Сталинград

Точильный камень

Захотел повидать Дармограй
Божий мир, беспредельный, обильный,
И в далекий отправившись край,
Взял с собою он камень точильный.

Думал: если достаток нажить
Не удастся мне в том Туркестане,
Буду пахарям косы точить,
Голодать не дадут мне крестьяне.

Шел он пешим, лежал на возу,
Что-то пел он о царстве заморском,
Под Самарой встречал он грозу,
И закат провожал он за Орском.

Он услышал, придя на Тянь-Шань,
Рев скота на пути к Семиречью
И старинную русскую брань,
Обновленную чуждою речью.

Поглядел Дармограй — обомлел:
На горячей равнине ковыльной
Осыпался, шуршал и белел
Наш песчаник, наш камень точильный!

Дармограй рухнул наземь доской,
На свое рассердившись хохлацтво,
Зарыдал и воскликнул с тоской:
-- Жив не буду — добуду богатство!

То ль богатство таил Туркестан,
То ль судьбу испугал этот вызов,
То ль помог Дармограю обман,
А добыл он земли у киргизов.

Дом построил. Хозяйство завел.
Посадил и вишневый садочек.
Уж поглядывать начал хохол
На кацанских зажиточных дочек.

Там, где кони Чингиза паслись
На ковыльных седеющих волнах,
Ныне жирные куры неслись
И покорно вертелся подсолнух.

Но судьба держит чаши весов,
И не любит она измененья.
Что ей ропот людских голосов?
Что ей дольних страстей дуновенья?

На село напустила орду,
Выпрямляя плечо коромысла,
И без тела, на вишне, в саду
Голова Дармограя повисла.

И травы сокращая предел,
Против жгучего ветра бессильный,
Осыпался, шуршал и белел
Наш песчаник, наш камень точильный.

1946

Пржевальск

Язык Эльбруса

Преданья старые разыщем,
Хотя о прошлом весть глуха.
Эльбрус был некогда жилищем
Богов могучих, мудрых тха.

Был всех сильнее Тлепш: на горне
Язык для горцев он сковал
Гортанный, как поток нагорный,
Жестокий, как в горах обвал.

Он не певуч, в нем мало гласных,
Течет он мутно, тяжело,
Но как люблю я звуков властных
Своеобычное русло!

Он не забыл свои мытарства,
Ни с кем не хочет он родства,
Ему противны государства
Мертворожденные слова.

Как часто на камнях эльбрусских
Он прятался в ущельях скал
И вдруг, над самым ухом русских,
В стволах кремневок возникал.

Кто это с гор в долину сходит
К целебной красоте воды?
Глазами ястреба обводит
Домишек белые ряды.

О чем бормочет он, осколок
Давнишних битв, седой смутьян?
Курортный видит он поселок
И дым над зданьем серных ванн.

Он слышит грохот на полянке
И узнает издалека
Жену завхоза на тачанке
С большим бидоном молока.

Его слова текут без цели,
Но не погибнут без следа:
Еще ударит из ущелий
Вольнолюбивая вода.

1948

Правительственный прием перед концертом

Деревья Азии поникли,
Но под дождем
Водители скучать привыкли,
Не входят в дом.

Не видит и не слышит дача,
Что выпал град.
Идет прием. Идет раздача
Ласк и наград.

Писатель, захмелевший быстро,
Затосковал.
К стегну красавицы-министра
Льнет аксакал.

Номенклатурная окрошка
Из высших сфер.
Из хора Пятницкого крошка
Блюет в фужер.

Речь первого: «Всею основа —
Народ-творец»...
Концерт начнется в полвосьмого.
Потом — конец.

1964

Матери-Родине

На Афганской границе,
Где два мира сошлись,
Как слеза на реснице,
Я над Пянджем повис.

В эту глубь, что пустынно
Голубеет внизу,
Непокорного сына
Урони, как слезу.

1960
Хорог

Дрозд

Заглушая грохот завода
И гуденье грузовика,
Низвергается с небосвода
Полуварварская река.

Воин Ксеркса и Македонец
Озирали ее валы,
И доносится топот конниц
Из бывшего, из дальней мглы.

Слышишь? Ярость движенья множит
Громовержащая вода,
А никак обогнать не может
Песню маленького дрозда.

В простодушной своей гордыне
Он, как видно, не сознает,
Что он спорит с рекой в теснине,
И не ведает, что поет

О сегодняшнем, о грядущем,
А река дрожит и с трудом
Поспевает вслед за поющим,
Эту дрожь внушившим дроздом.

1965

Варзоб

Индийский певец

Овальный, гнутый лист
В прожилках золотых,
Зародыши плодов.
Над ними — нежный свист
Индийского певца,
Сородича дроздов.

Вся жизнь-то прожита
Здесь, на чужой земле,
В саду, где он рожден.
А иволга желта,
О чем она поет
Не понимает он

Порой заговорит
Взволнованно, вздохом,
Но в толк не может взять,
Что чужд его санскрит
Всем этим существам,
И он свистит опять...

1977

В роще

Синица, твой русский свист,
Я знаю, звучит не праздно,
Как узкий специалист,
Ты дивно однообразна.

Но только тебе невдомек
Что песня твоя голубит
Вот этот безвестный листок
Породы любит не любит.

Безвестный? Как бы не так!
Быть может, соседним листьям
Известен он, как чуждак,
И славится бескорыстьем?

Неужто всю жизнь воробей
Бренчит для себя на гитаре
И знать не знает друзей —
Ромашек, иван-да-марий?

Неужто жители рощ
Друг другу чужды отвеча
И лишь обретают мощь,
Сливаясь в душе человека?

Пусть эта душа узка. —
Земля к ней спешит за данью.
А радость ее и тоска
Равны всему мирозданию.

1959

*Из романса
моего детства*

Модистка, южный франт,
В петлице красный бант,
Осенний теплый день,
Трактир «Олень»...

Какая жизнь была,
Какая жизнь была,
Когда Володя Бланк
Пошел ва-банк!

1969

На Ремесленной улице

по мотивам народной поэзии

На Ремесленной улице —
Ни дворцов, ни мансард.
На Ремесленной улице —
Мокрый, солнечный март.

Свет, влетающий молодо
В окна, двери, — сперва
Превращается в золото
И восторг мастерства.

Ради радостей завтрашних,
Заповеданных всем,
Здесь работает шапошник
Удивительный шлем.

Дверь соседа распахнута,
Плащ повесил портной:
Из утрехтского бархата
Изумрудный подбой.

Знаменит в околоточке,
Натянул чеботарь

Сапоги на колодочки,
А шевро — как янтарь!

Там, где узкая улица
Обожглась о багрец,
То ликует, то хмурится
В дымной кузне кузнец.

Будут, будут для рыцаря,
Для предсказанных сеч
Булава тигролицая,
И кольчуга, и меч!

Все ль готово для война,
Чья дорога — века?
Вот окошко отворено
В мастерской скорняка.

С болью мира обширную
Связан связью родства,
Смуглый мальчик за ширмою
Сочиняет слова.

Как молитву усердную,
Он стихи говорит:
Душу, душу бессмертную
Для Мессии творит.

1976

Ноеминь говорит невестке-вдове

«На долине тучной урожай возрос.
Радуется хлебу родич наш Вооз.

Вот он веет ночью на гумне ячмень..
Лучшие одежды на себя надень.

Опьяни седого мускусом и хной,
Пусть тебя пред всеми назовет женой.

Как хлебами стали полевые сны,
Праотцами станут и твои сыны.

Будет их потомок пастухом овец.
Руки сблизит с арфой, с головой — венец.

Меч его повергнет в трепет силачей.
Он звезду воздымет — шесть ее лучей.

Вырвут меч из ножен, вырвут рукоять,
Но звезде не смогут запретить сиять.

Чем страшнее будет на земле беда,
Тем сильнее будет на земле звезда.

Пламя душегубки, дым ее густой
С той соединятся дивною звездой,

И на Молдаванке, на исходе лет,
Мальчик примет в сердце шестиглавый свет».

1981

Посох

Стихи бедуина

Я счастливец, ибо только тот, чей низок дух, несчастен.
На вселенную смотрю я: мир велик, но мне подвластен.

Гончая с огромной пастью мчится яростно за дичью,
Это — жизнь, и чем я стану, превратясь в ее добычу?

Я рожден в юдоли скорби, лжи, греха, коварства, страха,
Но и золото порою добывается из праха.

Юность — это пламя хмеля, старость — холод и невзгода,
Тот, кто жив, заложник смерти, и лишь мысль его — свобода.

Мне знакомы ночь, пустыня, пыль во рту, скупая влага,
Но перо — моя опора, и подруга мне — бумага.

У меня один лишь посох — луч таинственного света,
У меня лишь два верблюда: нищета и дар поэта.

1994

Маргиана

Очень жарко было ранним летом,
День дрожал в предчувствии грозы,
Трепетали в воздухе нагретом
Крылышки трещотки-стрекозы.

Среднеазиатская столица
Обдавала пряной теплотой
И легко мне позволяла слиться
С многоцветной медленной толпой.

В происшедшем от жары тумане
Показалось мне сквозь знойный чад,
Что живу я в древней Маргиане
Три тысячелетия назад.

На столицу глядя издалече,
В понимании грядущих гроз
Узнаю, что возраст человеческий
Не взрослее возраста стрекоз.

1994

Вечер, степь, море

Я помню давний летний день.
Он странно угасал,
Ему как будто было лень
Свой торопить финал.

А кукурузные поля
Свой изменили цвет,
Казалось, море и земля
Удерживали свет.

Ты молча рядом шла со мной,
В моей — твоя рука,
Но от меня в тиши степной
Была ты далека.

Так далеки от нас племен
Исчезнувших слова
Иль, может быть, забытый сон
Чужого существа.

1994

Последняя ночь Навои

Все прошло: с повелителем дружба
С детских лет, и разлад, и затем
В дальней ссылке тягучая служба,
Пятерица бессмертных поэм.

Дышит жизнь, но все тише, все тише,
Лишь не молкнет строки серебро,
И газель — восемь нежных двустий —
Безнадежно выводит перо.

Вот и ночь к изголовью склонилась,
Подойдя к нему мелким шажком,
И живая газель вдруг приснилась —
Серо-желтая, с белым брюшком.

1994

Принц

Я отверг свою молодость, книги, богов изваянья,
Приношение жертв, именитый родительский дом.
Чтоб того отыскать, кто единый источник дыханья,
Я отправился в странствия долгим и тяжким путем.

Я блуждал по чужим городам, по глухому безлюдью,
Мне встречались рабы и владыки, жнецы и жрецы,
И блудницы, и матери, деток кормившие грудью,
И больные проказой, безумные и мудрецы.

Я сравнился с песком, с палым зернышком, с мертвым шакалом,
Ибо стать я стремился никем, и ничем, и ничьим.
Словно пьяный погонщик волов на дворе постоялом,
Стал слепым среди зрячих, среди говорящих — немым.

Я домой, изможденный, седой и счастливый, вернулся.
Прах родителей, с плачем сожжен, скрылся в Ганге, на дне,
Но, как юноша, слугам испуганным я улыбнулся:
... Тот, кого я искал, — не напрасно искал, он во мне.

1994

Стены заговорят

Льется дождь. Дерев орава
Жадно воду пьет, гудя,
Но скрывается отрава
В каждой капельке дождя.

Будет день. Обычный. Страшный.
Широко шагнет чума.
Все умрет: деревья, пашни,
Птицы, люди и дома.

На холмах и на равнинах
Жизнь взойдет, опять нова,
Но лишь в каменных руинах
Наши оживут слова.

С помощью иной антенны
Вдруг в разрушенном дому
Неизвестный никому
Наш язык откроют стены.

1995

Раскопки в Израиле

Древняя земля разрыта.
Возле мрамора колонн
На дельфине Афродита,
Искалечен Купидон.

Был бассейн. Вода иссякла.
Пылью сделалась трава.
Что для них в руке Геракла
Мертвой гидры голова?

И привозит автострада
Разноликих горожан:
Им попасть сегодня надо
В тихий, знойный Бейт-Шеан.

1994

Случайность

Все случайно: Ермак и Петр,
Канцлер-шут в камзоле поярковом
И таможенный досмотр
Между Белгородом и Харьковом.

Пугачев, Аракчеев, Ильич,
Праарийских племен поверия...
Русь моя, как тебя постичь,
О, случайная империя!

Ты встаешь в рассветной росе,
Да и вся ты -- из мира весеннего,
И татарин-шакирд в медресе
Славит Пушкина и Тургенева.

1995

В начале исхода

Я зноя вдыхаю сухой преизбыток,
А небо горящего спирта синей.
Пустыня лежит, как развернутый свиток,
И ждет, чтобы вывел я буквы на ней.

Но как я их выведу? Слов я не знаю,
Они еще не заповеданы мне,
Свободой вчерашних рабов обжигаю
И к Неопалимой веду купине.

1995

Чинара

На ветвях деревьев дремлют куры
И, быть может, слышат иногда,
Как шумят седые балагуры
В чайхане на берегу пруда.

Близко — пыль и голоса базара,
Здесь — недвижно вечереет свет
И двухсотвесенняя чинара
Прожитых не замечает лет.

Сколько раз шумели эти ветки,
Эти шутники из чайханы,
И потомством становились предки
Человека, птицы и весны.

Неизвестна ей моя забота,
И моя тревога ей смешна,
Что ей жажда и боязнь полета,
Что ей бесталанная вина —

Жить, не зная своего названья,
Жить и ничего не называть,
Разумея смысл существованья
Только в радости существовать.

1993

Вечер юга

Нежность или тихость
Сумрачного сада,
Робость или дикость
Лиственного взгляда,

Туч полупрозрачных
На небе стоянье,
Вишен-новобрачных
На земле сиянье.

Здесь на самом деле --
Сумерки, цветенья
Или овладели
Мною наважденья?

Вещими глазами
Смотрим друг на друга
Иль себе мы сами
Снимся в вечер юга?

1993

Усталость

Усталость вошла мне в глаза,
Вошла — и поныне осталась.
Усталость грядущего дня,
С которым земля сочеталась,
Усталость домов городских
И поля пустого усталость.

Давильня — сей мир, но не гроздь —
Иное раздавлено тело:
Под прахом, внизу, не вино,
А сердце мое заалело,
Да что мое сердце, когда
Душа как рубаха истлела.

Теперь никакую беду
И счастье нигде я не встречу,
Согласья с собой не найду,
Но больше себе не перечу,
Мне дьявол не страшен теперь,
А ангела я не замечу.

1995

Арабское изречение

Я с техникой, быть может, в поединке
Погибну, но себе я не солгу:
Компьютеру иль пишущей машинке
Доверить сразу мысль я не могу.

Арабская премудрость нам открыла
Закон столь древний, как любая новь:
Достойны уважения чернила
Писателя, как мученика кровь.

1996

Шесть двестишый

Забыть не могу я свеченье зари,
Где русским я сделал реченье дари,

Где брачные песни поют соловьи,
Где гений впервые сложил рубаи.

Забыть не могу на Памире Хорог,
Где края таджикского видел порог,

И тот Душанбе, где покров голубой,
Где праздником был понедельник любой,

Где Книгу Царей я прочел, ученик,
А то, что с оружием врывался таджик

В селенье таджика, подобно врагу,
Не только забыть, — я понять не могу.

1994

Близнецы

Барон Роман Унгерн, бесспорный отпрыск
Средневековых рыцарей, России
Бесстрашный офицер, но обожатель
Монгола Чингисхана, Далай ламы
Друг преданный, вероученья Будды
Поклонник, ярый жидоненавистник,
Противник женщин, враг большевиков,
И тот, кто в детстве тоже поклонялся
Буддийским изваяниям, кто в юрте
Увидет свет в семействе скотоводов,
Любитель женщин, сабель и коней,
Кто хвастался при мне, что полтора
Он километра вырезал солдат
Унгерна посреди степных курганов, —
Он все-таки при этом был подобьем
Сурового остзейского барона.
Четыре языка Европы зная,
С философами был знаком барон.
Московский командарм второго ранга,
Оставшийся без своего народа,
С трудом читал издания по-русски,
Но духом оба были близнецами.
Помилуй, Боже, грешников обоих.

1996

Кавказский гул

Неестественный грохот орудий.
Подымается вьедливый дым.
Порешили безумные люди,
Что легко умереть молодым.

Льет скала свои громкие слезы,
С гневным шумом река потекла.
Мертв пастух. Разбегаются козы.
Вторит древнему гулу угрозы
Колокольчик на шее козла.

1994

Река Смерти

*Я вам пишу случайно, право!
Лермонтов*

Я помню горный лес глухой.
Таился там аул Ачхой.
Я помню резкий орлий крик
Над горной речкой Валерик:
Людьми Ичкерии она
Рекою Смерти названа.

Жестокий бой в ущельях скал
Один поручик описал.
Затихнул бой сто лет назад.
Потом пришел другой отряд.
Потом другой вступил отряд
И удостоились наград
Отчизны верные сыны,
Но не участники войны,
Зато участники злодейств:
По два бойца на пять семейств.

Одной семьи подводим счет:
Седой старик — слепец-рапсод,
С тяжелым костылем джигит,
Днестра безногий инвалид,

Старуха в траурном платке
Сжимает кладь в худой руке,
Ребенка грудью кормит мать,
Далек ли путь — не надо знать,
Стоит с гармоникой сноха,
А козочка совсем плоха,
К очажной тянется золе, —
Так хорошо побыть в тепле!

В семье (козу отбросим) — шесть.
А сколько верст — попробуй счесть.
В вагонах многие умрут,
А полумертвых привезут
Для казахстанских трудодней, —
Не только плоть, а дух людей.

Тому полвека с небольшим
Я не был в тех краях чужим.
Слова, что сотворил вайнах,
Я в русских повторил стихах.
Я не бывшее ворошу,
Я не случайно вам пишу.

1994

Кочевье

Пожухла земля у закута,
Но молодо смотрится степь,
Недвижна отара, как будто
Безглавая горная цепь.

Неполной была бы картина,
Когда бы не маки в траве
И узкое горло кувшина
У женщины на голове.

Еще я заметил: ягнята
На мир с любопытством глядят...
Не так ли глядел я когда-то,
Веков этак тридцать назад.

1996

Безумие

Так же плывут в синеве облака,
Так же весна зелена и звонка,
Тот же полет ветерка.

Только душа почему-то нема, —
Разве природа лишилась ума,
Разве грозит нам зима?

Солнце холодного майского дня,
Разве ты светишься ярче огня
Там, где несчастна Чечня?

Страшно погибшим, не только живым, —
Может, безумием стал одержим
К нам на пути серафим?

1995

Вечный жид

Борису Хазанову

Ты будешь скитаться в столетьях и в странах,
Пока не приду Я на землю опять.
Что скрыто в чертах твоих старческих, странных,
Ни люди, ни звери не смогут понять.

Но если сожгут тебя немцы в Треблинке,
Какое веселье наступит в аду!
По Мне пусть живущие справят поминки:
Я буду, но снова Я к ним не приду.

1996

Семисвечник

Умелец с делом справится, и станет мир светлей.
В серебряном светильнике зажгутся семь свечей,

Украшенных короною, где справа добрый лев,
А слева оперением орел сверкнет, взлетев.

Убьют седого мастера со всей его семьей.
Фельдфебель в кофре вывезет изделие домой.

На этом не кончается короткий наш рассказ.
Светильник уворованный, однако, не погас.

Семи планет сияние открыто для очей,
То семь свечей светильника, серебряных свечей.

1994

* * *

Как много прошло унижающих лет,
Когда, чтобы плакать, нужна была смелость.
Но с тенью, как прежде, сливается свет,
Ни черного нет, ни белого нет,
Одна только серость.

Ты чувствуешь близко начало конца,
Ты знаешь: враждебно душе все, что серо,
Не бойся глупца, не жди мудреца,
Пойми, что тебе, как созданию Творца,
Нужна только вера.

1996

* * *

В поле лжи, и правды, и добра, и зла
Долгая дорога вдоль воды легла.

Марево — дорога, призрак — водоем,
Мы бредем, не зная, для чего бредем.

Был землею — в землю воротись, лежи,
Там ни зла, ни правды, ни добра, ни лжи.

1996

На рубеже

Гостиница возле мечети,
Когда-то — приют школяра,
Но кельи теперь — номера,
В них воздух и день на рассвете
Заглядывает со двора,
А рядом готовится плов,
Глаза четырех куполов
Глядят на тебя, Бухара.

Твои закоулки священны,
Как страж, берегущий Закон,
Как время, одетое в сон,
Как заповеди Авиценны,
Вошедшие в здравый Канон.
Но близко, так близко уже
Дыханье беды в парандже
И топот соседних племен.

1996

Квадрига

Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных.
Один, слагатель дивных строк,
На точной рифме был помешан.
Он как ребенок был жесток,
Он как ребенок был безгрешен.
Он, искалеченный войной,
Вернулся в дом сырой, трухлявый,
Расстался с прелестью-женой,
В другой обрел он разум здравый,
И только вместе с сединой
Его коснулся ангел славы.

Второй, художник и поэт,
В стихах и в красках был южанин,
Но понимал он тень и свет,
Как самородок-палешанин
Был долго в лагерях второй.
Вернулся — весел, шумен, ярок.
Жизнь для него была игрой
И рукописью без помарок.
Был не по правилам красив,
Чужой сочувствовал удаче,

И умер, славы не вкусив,
Он, дав искусству жизнь без сдачи,
И только дружеский архив
Хранит накал его горячий.

А третья нам была сестрой.
Дочь пошехонского священства,
Объединяя страсть и строй,
Она искала совершенства.
Муж-юноша погиб в тюрьме.
Дитя свое сама растила.
За робостью в ее уме
Упрямая таилась сила.
Как будто на похоронах,
Шла по дороге безымянной,
И в то же время был размах,
Воспетый Осипом и Анной.
На кладбище Немецком — прах,
Душа — в юдоли богоданной.

А мне, четвертому, — ломать
Девятый суждено десяток,
Осталось близких вспоминать,
Благословляя дней остаток.
Мой путь, извилист и тяжел,
То сонно двигался, то грозно.
Я счастлив, что тебя нашел,

Мне горько, что нашел я поздно.
Случается, что снится мне
Двор детских лет, грехопаденье,
Иль окруженье на войне,
Иль матери нравоученье,
А ты явилась — так во сне
Является стихотворенье.

1995

Соседи

Ах, какое высокое небо
Над высотами города Хеба!
Здесь, в одном из судетских домов,
Жил старик, автор многих томов,
Тот, кто Вертера создал и Фауста.

Средь снегов, набегающих нагусто,
Или в шелесте летних недель,
Ясноокая умная немка,
Молода и свежа, как апрель,
С ним делила часы и постель.
Впрочем, нам не важна эта темка.

Важно то, что великий старик
От знакомств в эти годы отвык.
Собеседники — только родник,
И людей, и скотины поилец,
Да еще этот Гус. Еретик?
Нет, сожженного однофамилец.

До сих пор мы не знаем, о чем
Говорил с местным жителем немец,
Только знаем, что старый богемец
Состоял городским палачом.
Пили пиво палач и поэт.
Кто подслушал слова тех бесед?

- Я служил королю топором.
- Я работал гусиным пером.
- Я людей убивал по нужде.
- Я покаюсь на Страшном суде.

1995

На Тверской

Вдоль старых и новых зданий,
Забыв про свои шатры,
Идут по Тверской цыгане —
Степей живые костры.

На этом шумном квартале
Забут и другой огонь,
Когда их близких сжигали
И в страхе мучился конь.

Забуты Брахма, и Шива,
И Ганги влажная власть,
И все в этом мире лживо,
И скучно сделалось красть.

1994

Клен

Бессильно ветви опускает клен,
И слишком жалок у него наклон,
Он чем-то озабочен и напуган.
Предчувствует ли близкую грозу,
Иль раздражает на скамье внизу
Хмырей-соседей площадная ругань?

Его я помню малым деревцом,
Потом красивым тоненьким юнцом
С улыбкою младенчески простою,
Дублоны листьев осенью ронял
И как бы суть земную охранял
Своей стеснительною добротою.

Теперь он стар и слаб. Но мысль тверда.
Какая же страшит его беда?
Бунт, буйство, кровь, огонь побоищ дикий?
Иль видит то, чего не видим мы:
Движение миродержавной тьмы —
Небытия владычицы безликой.

1993

Преступник

Что стало с ним? Быть может, свыкся
С своей судьбой и мрачно пьет,
Иль светлым трепетом проникся
И в ужасе возмездья ждет?

Иль на него, чья жизнь сокрыта,
Как Даниил среди зверей,
Глазами умными семита
Взирает протоиерей.

1995

В московском переулке

Повсюду в переулке лед,
Но вот автомобиль засветится,
И вздрогнув, старый пешеход
Стоит и ждет. Чего он ждет,
Когда такая гололедица?

Спустился вечер на Москву.
Я вижу звездочки свечение.
Я с нею связи не порву,
По имени не назову,
В ее не вникну облачение.

Семь тысяч лет наш мир живет
До мига, как всегда, нежданного.
Вдруг начинается приход
Иных долгот, иных широт,
И мир другой родится заново.

Поэтому я так ценю
Все, что в моем зачато времени,
Я дружбу с камушком храню,
Я родич звездному огню,
А в переулке — льду и темени.

1995

Тополь в окне

В окне моем вид обычный:
Апрель, городская весна,
А сбоку в стене кирпичной
Четыре школьных окна.

Напротив дом неказистый
Пустил по стене слезу,
Когдатошные чекисты,
Небось, гуляют внизу.

А между мною и домом
Бесснежный тополь сухой.
Он стал другим, незнакомым:
Старик и при этом — нагой.

А летом шумел листвою
Среди школяров и стряпух,
С зеленою головою
Легко расставался пух.

Молчит, но думаю, будто
Я мог бы услышать слова:
«Твоя улетает минута,
Как прежде моя листва».

Нас время разъединяет,
Которое так черство.
Навряд ли меня он знает,
А я не забуду его.

1996

Песни под гитару

Т. И. Л-С.

В зеленеющем местечке
Девяностолетней зечки
Слышим голос тихий, томный,
Свой, а не заемный.

Пела некогда в Париже,
А в года, что к нам поближе,
Уголовникам, бывало,
И в тайге певала.

Там, на нарах, свесив ноги,
Пела так, что мир убогий,
Мир звериный, мир барака
Отступал от мрака.

Все осталось: трепет сладкий,
И красавицы повадки,
И тщеславие артистки,
Розы и записки.

Что за чудо: наши муки
Нежно превратились в звуки,
Со струны к нам издалика
Льется строчка Блока.

1994

Этюды

Тучный вклад Ангальт-Цербстской принцессы
Был восторженно Русью хвалим.
Это скифское море Одессы,
Измаил и пленительный Крым,

Это пышная вольность дворянства,
Всех этюдов замысленный грунт,
Это сладкий соблазн вольтерьянства
И Емельки пугающий бунт.

Убивали цари и царицы
Молодых сыновей и мужей.
Разночинные царевубийцы
Не жалели и жизни своей.

Тех картин не сорвешь, не зажулишь,
Черный памятен нам Передел,
Оправдание Веры Засулич
И хоругвей Гапона расстрел.

Превратил нас в добычу науки
Вождь — картав да и сердцем когтист,
А другой был страшней — сухорукий
Стихотворец-семинарист.

1994

Распад

Небосвод неведомой расцветки
Обливает, дряхлый водонос,
Судорожно скрученные ветки
Обреченных гибели берез.

Знаю: будет, как в былые годы,
Шар земной вращаться на оси,
Будут всех деревьев жить породы,
Но берез не станет на Руси.

Будут в предприятиях удачи,
Но, уже предчувствуя распад,
Птицы станут вить гнездо иначе,
Матери иных детей родят.

1994

Торговцы

Машин не умолкает гонка.
На площади у синема
Мальчишка продает котенка,
Притом недорого весьма,

Листочки, голуби, окурки
И рядом пруд, а у него
Выглядывает из-под куртки,
Дрожит живое существо.

Зачем я время трачу даром?
Часы бегут. Пора мне в морг.
Мой пепел может стать товаром,
Я тоже начинаю торг.

1994

Старик

Как цели достигший паломник,
Пред чудом стоит он столбом
И смотрит: его восьмитомник
На полке стоит за стеклом.

Чтоб было поболее веса,
Всю выложил душу свою:
Романы, рассказы и пьеса,
Рецензии и интервью.

Четыре квартиры в столице,
Родили детей три сынка,
Но что ему дали, — сторицей
Вернул он стране и Цека.

Как трудно! Тяжел даже ватник.
Писать? Но зачем? Для кого?
Как скучно! Хотя бы соратник
Звонком потревожил его.

А дача -- у самого леса.
Он вышел. Присел на скамью.
Романы, рассказы и пьеса,
Рецензии и интервью.

1995

Уполустанка

Дуб, от множества годов сутулый,
Слушать с восхищением готов
Самолетов эллинские гулы,
Русские глаголы поездов.

Утро хорошо на полустанке,
А весной особенно светло
Небо голубое, как с изнанки
Голубя вспорхнувшего крыло.

Ночью столько шорохов и звонов,
Быстро вспыхивают светляки,
Окна убегающих вагонов,
Звездочек живые угольки.

Не стареть бы, не слабеть, не сохнуть,
А дышать, и думать, и смотреть,
Вдруг от грома вешнего оглохнуть,
С молнией сомкнуться и сгореть.

1994

Полночь

Как полна эта полночь осенней тоской!
Иностранные буквы горят на Тверской.

На резиновых крыльях машины летят
В двухсторонний прямой электрический сад.

За рекою в глухом переулке темно,
И одно только светится низко окно.

Там склонился над старым столом человек.
Это он озарит наступающий век.

Он, безвестный жилец, трем семействам сосед,
Объяснит по-иному свечение планет.

А соседка кричит: «Электричество жжешь?
Ты забыл, недотепа, что вырос платеж!»

1994

Каменный век

Для стихов в нашем каменном веке,
Кроме Леты, все высохли реки,
Мышь серость бежит вместо серн,
Вместо музыки — скарб безвозмездный,
Но какой же заменит модерн
Упоенье над гибельной бездной
И мгновенье, внушенное Керн?

Нет у нынешних греков Гомера,
Звук Верлена заглох без размера,
На Руси бытом сделалось зло.
Кто выходит один на дорогу?
Нам ли больно теперь и светло?
Кто средь бури услышал тревогу?
И сомненье кому тяжело?

1994

Чистилище

То жилье, что больше всех гостиниц,
Явственно изобразил пером
Тот орлиноносый флорентинец,
Кто вожатым важным был ведом.

И когда тебя косою скосит
Та, что поджидает нас всегда,
Черный ангел у тебя попросит
Жалости в день Страшного суда.

Как же будет удивлен вожатый,
Если возвратишься ты назад!
Черный ангел, ужасом объятый,
Вновь увидит свой знакомый ад.

1994

* * *

Зажечь страну горящей речью
Я и пытаться не хочу,
Но трудно видеть душу человеческую,
Как незажженную свечу.

Хочу понять загадку дара,
Как царственную жизнь огня,
Но не огонь, а отсветы пожара
Порой исходят от меня.

Столь чуждый речевым раскатам,
Отбросив боевую бронь,
Я самому себе, а не солдатам,
Хочу приказывать: «Огонь!»

1995

Ветер замолк

Листьями ветер наполнил
Сада осенний простор.
Сад запылал и напомнил
Желто-багряный костер.

Ветер замолк. Стало тихо.
Пламя погасло листа.
Даль высока и чиста.
Вслушался: движется лихо.

1995

Беспорядок

Это в августе осень поет?
Умирает в окне постоянство,
И опять запоздало пространство,
И от времени вновь отстает.

Признаюсь, не терплю беспорядка
И топчу я орнамент ковра,
Как всегда, наступает хандра, —
Или то не хандра, а догадка?

Растерявшись, к окну подхожу
И природы дивлюсь я причуде —
Все чужое: и листья, и люди,
Я с трудом и себя нахожу.

1995

Похороны в двадцатом

Вспоминаю песни нянины,
Детское свое гнездовье,
Вспоминаю смерть Прасковьи,
Этот мукой затуманенный,
Устремившийся назад
И внезапно протараненный
Неземной стрелою взгляд.

Незнакомый с горьким опытом,
Я за гробом шел впервые,
Люди и цветы живые
Разговаривали шепотом...
Отдадим последний долг,
Только не мешал бы хлопотам
Взявший город красный полк.

1996

Бой в апреле

Утро возгласом извечным
Возвестил петух
И на хуторе заречном
Огонек потух.

Мутная река в апреле
Пахла холодком.
Как мы рано постарели,
Сделавшись полком!

Двойка птичек из омета
Выпорхнула вдруг:
Их встревожил пулемета
Пробующий звук.

Вот машина полководца
Стала у бугра.
Кровь детей твоих прольется,
Мать-земля сыра.

За тебя — на дно и в пламя.
Кровь тебе нужна.
Смерть пройдет. Пребудут с нами
Боль, печаль, весна.

1994

* * *

Вспомнились ветхие хаты,
Дети, хозяйки и деды,
Где ночевали солдаты,
Где далеко до победы.

Запах цыгарок, лежанок,
Тусклость икон, фляжек зелье,
Великорусских крестьянок
Песенное рукоделье.

Ржавая кружка и кадка,
Хрипы ночные и бреды,
Счастье уродливо-кратко
И далеко до победы.

1995

Память и воображение

Воображение с памятью граничит.

«Ко мне! — она воображение кличет, —
Будь мной, хотя бы за моим пределом,
Будь мной в прелестных частностях и в целом!»

Но памяти в ответ — воображение:

«Ты старишься, теряешь слух и зренье,
А я-то, что ни год, сильнее, светлее,
И прошлых лет мой вымысел смелее».

1994

* * *

О тебе я не могу решиться
Вспоминать, но ты мне разреши,
Чтобы память унеслась, как птица,
В теплые края моей души.

И тогда я снова буду молод
И, встречая новую весну,
Буду знать: она растопит холод
И мою перед тобой вину.

1993

Бег волны

Всей твоей жизни вторя,
В сердце, одетом в снег,
Слышится южного моря
Вечный бег.

То, чего не было, — было,
Правдой окажется ложь,
Если себя пред могилой
Лучше поймешь.

В жизни долгой и краткой,
Думам твоим и глазам
Самой темной загадкой
Был ты сам.

Все уйдет, умирая,
Только останутся сны,
Солнце, лазурь морская,
Бег волны.

1993

* * *

Если б все начать сначала,
С той житейской высоты,
Где б и вечное сияло
В оболочке суеты,

Неприглядным, но надежным
Обладать бы мне углом,
Заниматься то ль сапожным,
То ль портняжным ремеслом,

Обращаясь к покаянью
Не в возвышенных стихах,
А в доступных пониманью
Человеческих делах.

1995

Василию Гроссману

Когда безумие воинственно,
А в сердце тьма и пустота,
Как нам нужна простая истина —
Таинственная доброта.

Когда мы заняты раструскою
В родной стране, в умах, в быту,
Как ты, я верю только в русскую
Бессмысленную доброту.

1995

* * *

Я много видел на своем веку
И понял: даже мелкому листку
Надежно кажется, что солнце светит
Лишь для него,
А прочих, выглянув, и не заметит.

Какой счастливый дар ценить других --
Их мысль, и музыку, и кисть, и стих,
И верность, и ума и сердца ясность,
Презрев себя
И лживой славе жалкую причастность.

1995

Парижская нота

Называла Жоржиком Ахматова
Юного столичного хлыща,
Этого порочного, губатого,
Чья строка вторична и нища.

Тяжки эмигрантские условия,
Часто решка, изредка орел.
Отпрыск благородного сословия
Благородство высшее обрел.

Он сумел вдали от русской снежности,
С полупьяной смертью визави
Вызволить из долгой безнадежности
Музыку страданья и любви.

1995

Поиск

Странно споры происходят
Между сердцем и умом:
Человек себя находит,
Странствуя в себе самом.

Тихо движется иль ходко,
Тяжело иль без труда, —
Окончательной находка
Не бывает никогда.

1995

В первый день

Там были бедность, ранний голод,
Там породнился я с тоской,
Но как мне дорог этот город,
Такой земной, такой морской.

Он стал талантами беднее,
Стал заурядней и серей,
Но сердцу места нет роднее,
Синее не знавал морей.

Там тени юности живые,
Забыть не в силах я одних,
Там две могилы дорогие,
Но лягу далеко от них.

Я лягу, страх вобрав окопный
И помня тех, кто лег во рву.
Как в первый день послепотопный,
После Освенцима живу.

1995

Ливень

А. Ш.

Ты был в заключении дважды,
В несчастьях счастливый поэт,
И умер, сгорая от жажды
Любви и словесных побед.

Прошло десять лет, как покинул
Ты холст, и перо, и меня.
Твой блещущий облик нахлынул,
Как ливень весеннего дня.

Хорош его шум ненатужный,
Он чужд повседневных забот,
Как ты, кареглазый и южный,
Как ты, он прошел, но живет.

1994

* * *

Сказано все, — что же мне говорить?
Роздано все, -- что же мне раздарить?

Пройдено все, — так зачем же иду?
Явлено все, — так чего же я жду?

Дай мне приют, чтоб добраться к себе,
Дай немоту, чтоб сказать о Тебе,

Дай мне оглохнуть, чтоб слушать Тебя,
Дай мне ослепнуть, чтоб видеть Тебя.

1994

* * *

Грядущее – в былом,
Былое не взросло,
Что мнится нам добром,
Есть и добро, и зло.

Что можно совершить,
Что следует собрать,
Когда так трудно жить
И трудно умирать.

Как поздно я постиг:
Все то, что помню я,
Есть вспышка, яркий миг
Безумья бытия.

1993

Вечернее

Утро было холодно, ненастно,
А закат и тепел, и багров,
И зажглись в траве желто и красно
Лампочки цветов.

Вся земля, казалось, озарилась
Умирающим свеченьем дня
И такая странность мне открылась:
Свету я родня.

Пусть от мрака я не уберегся,
Тускло и покорно холодел,
Все же на мгновенье я зажегся
И гореть хотел.

1994

Письмо И. Л.

Я тебе напишу оттуда
Не пером, не карандашом,
А внестрочным звездным дождем,
И сначала тебе это чудо
Заурядным покажется сном.

Я тебе сообщу, что не плотью
Оказалась почва светил,
Сообщу, что я там открыл
Не одежд истлевших лохмотья,
А живое сияние крыл.

1995

Подражание арабскому

Сам себя казнит безбожник,
Худший враг себе — охульник,
Смотрит на ноги сапожник,
А на голову — цирюльник.

На тебя смотрел вначале
Так, что был мой взгляд опаслив,
На тебя смотрю в печали
И смотрю, когда я счастлив.

1995

Царица Осень

Там, где была весна,
Где летний жил посад,
Венчанная жена
Вступает в гулкий сад

Владычицею дней,
Трудам ведущей счет,
И знает, что за ней
Зима сюда войдет,

Холодной немоты
Начнется торжество, —
И видит с высоты
Престола своего:

Одетый налегке
Во что-то, как желток,
На тонком стебельке
Качается листок.

1995

В немецком городе

Облако с облаком нежно свивается
Возле Плеяд.
В синие сумерки переливается
Алый закат.

Город немецкий, торговлею вскормленный,
Дарит уют.
Храмы, что были войною разгромлены,
Снова живут.

Снова спокойные точные правила
Он утвердил
И, побежденный, в самом себе дьявола
Он победил.

1995

Книги

В молодости рылся я в развалах,
Книги за бесценок доставал,
И от них ночами глаз усталых,
Но горячих я не отрывал.

Книги, даже старясь, не сдаются
Полчищу безжалостных веков...
Летний зной, но в небе остаются
Снежные строенья облаков.

1996

* * *

У самого порога я стою
И вот обдумываю жизнь мою, —

Все то, что было дурно и греховно,
Все то, в чем время не всегда виновно.

Меня теперь тревожит мысль одна:
Была ль душа моя сотворена

Иль, не придя к прозрению провидца,
Она до дня последнего творится.

1996

* * *

Выбрала удачное
Время тишина,
Чтоб спуститься на берег
В час, когда особенно
Ночь нежна.

Выбрала удачное
Время тишина,
Слышит — возле берега
Двое в море плавают:
Он, она.

Звезды стародавние
Видят с высоты:
В море, в час безлюдия,
Двое в одеянии
Темноты.

Смотрят звезды вдумчиво
С южной высоты,
Осветясь догадкой:
Эти двое — юные
Я и ты.

1995

* * *

Доныне движутся во мне
Блестящих брызг морские звуки
И параллельные волне
Твои смеющиеся руки.

Не рядом -- за тобой плыву
К вдали сияющему раю
И двух просторов синеву
В себя восторженно вбираю.

Как долго без тебя живу!
Но знаю: наконец, прерву
Оцепенение тупое
И вновь с восторгом поплыву
Вслед за тобою, за тобою...

1996

Поездка на юг

На юг мы отбывали
Далёко-далеко.
Крестьянки продавали
Нам в крынках молоко.

Покуда поезд двинется,
Торчали у окна,
Вот промелькнула Винница,
И скоро ночь раскинется,
И будет степь черна.

Надеялись, что море
Заметит наш приезд,
И вот семейство в сборе
И синенькие ест.

...Седые за находкою
Пустились наугад
Дорогой некороткою,
Кто ближе — за Слободкою
На кладбище лежат.

1996

Юность. С берега вверх

Море движется, вдруг нахлынув
На скалу, и в нем — бирюза,
Видим вынырнувших дельфинов
Проницательные глаза.

Мы поднимемся. Драгоценны
Эти улочки наверху,
Загорелые эти стены
В виноградном диком пуху.

Как поверить, что где-то рядом
Безнадежный гул бытия,
Что уже питается ядом
Несозревшая жизнь моя.

1996

Внуки

Обе рухнули империи,
Разговоров нет о мести.
Внуки Эйхмана и Берии
Где-то отдыхают вместе.

Вместе в прошлом не копаются,
В теннис каждый день играют,
В море ласковом купаются
И, флиртуя, загорают.

Не наказывай, — показывай:
Шар под небом не расколот,
Слился с камерою газовой
Колымы полярный холод.

1996

Благодать

Я проснулся в чудесных слезах
Благодати, но сна содержанье
Я забыл. В городских голосах
Услыхал странных звуков дрожанье:

То ль воркующий сговор частиц
Вольных струн, но рожденных в неволе,
То ли первое пение птиц, —
А проснулся я не от него ли?

Босиком — на балкон. Над листвой
Самолет прогудел и промчался,
Одарив небеса полосой.
В это утро я с жизнью прощался.

1996

Огонь вины

Электричество вины
Сыплет искры покаянья,
Эти искры нам нужны,
Как бездомным — подаянья.

Кто узнает наперед,
Что из искры возгорится,
Что грядущее вберет,
Что родится, чтоб забыться.

Значит, мы себе верны:
В грязь по горло погруженный,
Мир не умер, освещенный
Электричеством вины.

1996

А. А. А.

В эту комнату бедную, узкую,
Где сливались Ордынка и Млечность,
Я входил, будто в дикую, русскую
И такую великую вечность.

Нет зубов. Но протеза не вставила.
Речь дышала всем жаром горнила.
Усмехнулась и угля добавила —
Это вечность со мной говорила.

1995

В Германии

Двенадцать лет держалось одичанье
Ее людей, и школ, и алтарей,
Языческое с дьяволом венчанье
В звериных гнездах газовых печей.

Мне слышится тяжелое молчанье
Вновь возведенных гамбургских церквей,
Немецкой речи прочное звучанье,
Но с отголоском тысячи смертей.

Плывет сей город в дальние пределы,
Напоминая корпус корабля,
Но знает корабельщик поседелый,
Что дом его и тело суть земля,
И лишь поняв, что память не затмилась
О прошлом, — та земля обрящет милость.

1995

Кличка

Луна грозна, во мгле ночной мала,
Она выглядывает из тумана,
Как бы зловещее отверстие ствола
Из детективного романа.

Убийца — слышим — движется шажком,
А кличка Старость. Птичьим, волчьим стаям,
А также человеческим он знаком.
Мы умираем. Умираем.

1996

Вместе с весной

Когда все кружится в закрутке,
В безумной связке двух валют,
Как нежно-старомодны, чутки,
Как звонко соловьи поют,

Звончей, чем в комнате соседней
Кассет шальная ковизна...
Пусть будет для меня последней
Неумолимая весна,

Но от нее узнал я вести
О тех, кого не забывал,
И умирал я с нею вместе,
И вместе с нею оживал,

И если поглотятся пылью
Земные родичи мои,
Весною, ставшей давней былью,
Продолжат песню соловьи.

1996

Другу

Давно я не был у твоей могилы,
Мешают старость, транспортный заслон,
Но мне слышней, чем бденья гул постылый,
Твой вечный сон.

Как пламя плотное в летучем дыме,
Как будущее в отошедшем дне,
Так ты, покойник, мыслями своими
Живешь во мне.

Сроднились грязь и разум, зной и морось, -
Прозренья боль затоптана толпой,
С тобою гнев делю, с тобою ссорюсь,
Молчу с тобой.

1997

Читая Бодлера

Лязгает поздняя осень, знобит все живое,
Падает влага со снегом с небес городских,
Холод настиг пребывающих в вечном покое,
В грязных и нищих квартирах все больше больных.

Кот на окне хочет позы удобной и прочной,
Телом худым и паршивым прижался к стеклу.
Чья-то душа заблудилась в трубе водосточной, —
То не моя ли, так близко, на этом углу?

Нет между жизнью и смертью черты пограничной,
Разницы нет между ночью и призраком дня.
Знаю, что в это мгновенье на койке больничной
Брат мой глазами печальными ищет меня.

1995

Основа

Какое счастье, если за основу
Судьбы возьмешь концлагерь или гетто!
Закат. Замолк черкизовский базар.
Ты на скамье сидишь, а за спиною
Хрущевский кооперативный дом,
Где ты с женою бедно обитаешь
В двухкомнатной квартирке. Под скамьей
Устроилась собака. Мальчуган,
Лет, может быть, двенадцати, весьма
Серьезный и опрятный, нежно
Щекочет прутиком собаку. Смотрит
С огромным уваженьем, с любопытством
Его ровесница на это действие.
Мила, но некрасива, голонога.
Собака вылезает на песок.
Она коричневая, а ноги желты.

Тут возникает новое лицо,
И тоже лет двенадцати. Прелестна
Какой-то ранней прелестью восточной,
И это знает. Не сказав ни слова
Приятелям и завладев собакой,
Ей что-то шепчет. Гладит. Голоногой
Соперница опасна. Раздается
С раскрытого окна на этаже

Четвертом полупьяный, но беззлобный
Привет: “Жиды, пора вам в Израйль”.

По матери и по отцу ты русский,
Но здесь живет и отчим твой Гантмахер,
Он председатель кооператива.
Отец расстрелян, мать в мордовской ссылке
С Гантмахером сошлась, таким же ссыльным.
И ты потом с женой своей сошелся,
Когда ее привез в Москву из Лодзи
Спаситель-партизан, а ты досрочно
Из лагеря вернулся в институт
На третий курс, – она была на первом.

Две пенсии, на жизнь почти хватает,
Библиотека рядом, счастье рядом,
Поскольку за основу ты берешь
Концлагерь или гетто.

1996

Ничтожество

Братоубийца первый был
Эдемской глины внуком. Неужели,
Кусочек яблока отведав, Ева
Кровь Каина бездумно отравила
Двуногою жестокостью? У зверя
Отсутствует жестокость: пропитанья
Он ищет и того съедает, кто
Слабей, к нему не чувствуя вражды.
Напоминаю: Каин, как велит
Пятидесятницы обычай,
Часть урожая Богу преподнес,
Но Бог, всеведающий Бог,
Злодея дар не принял. Каин
Почувствовал в отвергнутом дареньи
Свою бездарность — и ожесточился:
Он был ничтожен, и жестокость эта
Есть следствие ничтожества его.
А тот, кто любит Бога, не ничтожен,
Не просит он, когда приносит.
Кусочек яблока отведав, Ева
Потомка праха райского бездумно
Жестокостью наполнила. Мы злы,
Мы хуже, мы глупее зверя.
Прости и помоги нам, Боже.

1996

Брат

Куда звонить? Конечно, в сад,
Где те же яблоки висят,
Что в тот злосчастный день висели,
Но там и телефона нет,
И никакого звона нет,
И нет печали и веселий.

А он спокойный, не больной,
Оттуда говорит со мной.
Он мальчик. Солнцем жизнь согрета,
А мы бедны, мы босиком
Идем на ближний пляж вдвоем.
Звенит трамвай, пылает лето.

1996

Кружение

Ночь негаданно надвинулась,
Горсти вышвырнув монет,
Наземь небо опрокинулось
Тяжкой роскошью планет.

В этом мнимом разрушении
Галактических светил
Я увидел разрешение
Противостоящих сил.

День в потемках не заблудится,
Приближается мета,
Все, о чем мечтали, сбудется,
Но разумна ли мечта?

Не окажется ль блаженнее
Жизнь в размахе, на износ,
В неприкаянном кружении
Жалких пиршеств, тайных слез?

1997

Зимняя встреча

Стихов не оставлю я звонких,
Развеет их снежная мгла.
Глаза приоткрыл я в пеленках, —
И жизнь, я увидел, прошла.

Не так я дышал, как мечталось,
Хотел я смешаться с толпой,
А все-таки что же осталось,
Что сделал я, сердце, с тобой?

...Мы встретились поздней зимою,
Зимой, перед самой весной,
И стало чертою прямою
Что было всегда кривизной.

Как видно, дыхание лета,
Не зная о нем, я хранил,
И дни свои жаждою света
Я в пору зимы удлинил.

Искать ли удачливый жребий,
Где смерти растут семена?
На грешной земле и на небе
Одна только ты мне нужна.

1996

Вечный двигатель

Жизненный опыт есть вывод печальный:
Надо казниться своею виной.
Исстари грех совершаем повальный,
Многие ангелы были нейтральны
В споре Творца с сатаной.

Умных исход устрашает конечный
Чудной планеты, где мы рождены,
Путь над Землею рассыплется Млечный,
Но у двуногих есть двигатель вечный:
Наше сознание вины.

1997

Ад

Идем, идем, пещера за пещерой
Длиннющие, их разделяет арка,
Витрины, вывески сверкают ярко,
Но яркость почему-то пахнет серой.

Котлов не видно. Дискотеки, клубы
Без музыки. Здесь безнадежно тихо,
А время пришивает, как портниха,
К безмолвным ртам людским чужие зубы.

Чистилище над нами. Райским садом
Оно придавлено. Мы это знаем,
Но то нам чуждо, что зовется раем,
Затем, что выросли и слиты с адом.

Лишь иногда над мертвою пещерой,
Над мертвым светом, злобой, ложью, блудом
Вдруг вспыхивают милосердным чудом
Глаза, дарящие надежду с верой.

1997

В пасхальный день

Прошедшее в тумане
Давно затаено,
А я воспоминаний
Пью горькое вино.

Как в день пасхальный, — свято,
Оно и есть любовь
К тем, кто ушел когда-то
И не вернется вновь.

Когда чутье утрою,
Чуть-чуть, едва-едва,
Я слышу их порою,
Но только не слова:

Они звучат над нами
Дыханьем жарких крыл,
Взлетая пред глазами
Того, кто их творил.

1997

Сын

Я начал забывать слова,
Я поглупел вконец,
Мне кажется, что мать мертва,
И царствует отец.

Как рассердился он, когда
Я стал ее ругать:
— Ничтожество, болтун, балда,
Пойми — кто ты, кто мать!

Я задал, кажется, вопрос.
А нужен ли ответ?
И если вдуматься всерьез,
То и ответа нет.

Зачем я на беду свою
Затеял разговор?
Я, кажется, не узнаю
Мой дом, мой Эльсинор.

1997

Содержание

Стихи ранних лет

Горожанин	4
«Редуют годы, как кустарник...»	6
Пасмурный день	7
Одесса, 1920	8
«Кто дружбу, как стихи, бросал, едва начав...»	9
Коля	10
«Я запах осени вдыхаю...»	11
Мертвец	12
Засуха	13
Перед бурей	14
«Я нетрудной не дал дани...»	15
Мать-Земля	17
Судный день	19
Завод в лесу	20
В толпе	22
«Ваши глаза поместил под бровями чужими...»	24

Впервые в России

Из восточной рукописи	26
Приметы	29
Пруд	30
«Что самое страшное на войне...»	31
Точильный камень	32
Язык Эльбруса	34
Правительственный прием перед концертом	36
Матери-Родине	37
Дрозд	38

Индийский певец	39
В роще	40
Из романса моего детства	41
На Ремесленной улице	42
Ноеминь говорит невестке-вдове	44

Посох

Стихи бедуина	46
Маргиана	47
Вечер, степь, море	48
Последняя ночь Навои	49
Принц	50
Стены заговорят	51
Раскопки в Израиле	52
Случайность	53
В начале исхода	54
Чинара	55
Вечер юга	56
Усталость	57
Арабское изречение	58
Шесть двустиший	59
Близнецы	60
Кавказский гул	61
Река Смерти	62
Кочевье	64
Безумие	65
Вечный жид	66
Семисвечник	67
«Как много прошло унижающих лет...»	68
«В поле лжи, и правды, и добра, и зла...»	69
На рубеже	70
Квадрига	71

Соседи	74
На Тверской	76
Клен	77
Преступник	78
В московском переулке	79
Тополь в окне	80
Песни под гитару	82
Этюды	83
Распад	84
Торговцы	85
Старик	86
У полустанка	87
Полночь	88
Каменный век	89
Чистилище	90
«Зажечь страну горячей речью...»	91
Ветер замолк	92
Беспорядок	93
Похороны в двадцатом	94
Бой в апреле	95
«Вспомнились ветхие хаты...»	96
Память и воображенье	97
«О тебе я не могу решиться...»	98
Бег волны	99
«Если б все начать сначала...»	100
Василию Гроссману	101
«Я много видел на своем веку...»	102
Парижская нота	103
Поиск	104
В первый день	105
Ливень	106
«Сказано все, — что же мне говорить...»	107
Грядущее — в былом	108

Вечернее	109
Письмо И. Л.	110
Подражание арабскому	111
Царица Осень	112
В немецком городе	113
Книги	114
«У самого порога я стою...»	115
«Выбрало удачное...»	116
«Доныне движутся во мне...»	117
Поездка на юг	118
Юность. С берега вверх	119
Внуки	120
Благодать	121
Огонь вины	122
А. А. А.	123
В Германии	124
Кличка	125
Вместе с весной	126
Другу	127
Читая Бодлера	128
Основа	129
Ничтожество	131
Брат	132
Кружение	133
Зимняя встреча	134
Вечный двигатель	135
Ад	136
В пасхальный день	137
Сын	138

Липкин Семен Израилевич

ПОСОХ

Стихотворения

Редактор *А. Мишин*
Художник *М. Акимов*
Корректоры *В. Гехтман, Е. Вальцифер*

ЛП № 063257 от 26.01.94.
Подписано в печать 23.08.97. Формат 70х100/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитуры «Ньютон», «Петербург»
Объем 4,5 п. л. Тираж 2 000 экз. Заказ № 2380.

ТОО «ЧеРо»

Редакционно-издательский отдел:
Москва, Б. Власьевский пер., д. 11, комн. 208
тел. 241-3390, 241-18-69

Отдел реализации:
Москва, Ломоносовский пр-т, 27Б
тел./факс: 938-2346

Для получения книг издательства «ЧеРо»
наложенным платежом пишите по адресу:
113054, Москва, а/я 35, ООО «Пост-Пресс»
тел. (095) 230-3766

Великолукская городская типография
Упринформпечати
Псковской области, 182100, г. Великие Луки,
ул. Полиграфистов, 78/1

